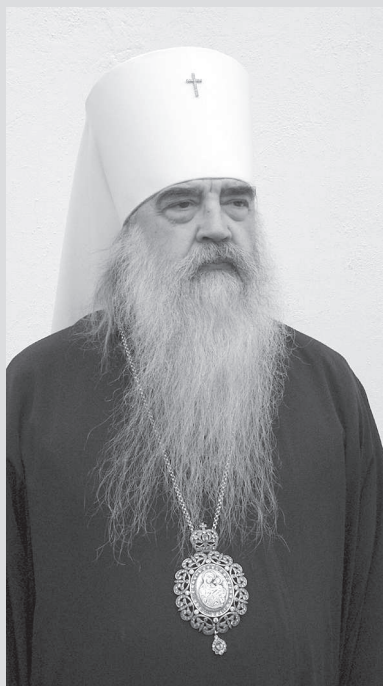

ГЕРОНТОДИЦЕЯ: СТАРЧЕСТВО КАК ОПРАВДАНИЕ СТАРОСТИ*

**Высокопреосвященнейший
ФИЛАРЕТ (Вахромеев),
Митрополит Минский и
Слуцкий, Патриарший Экзарх
всёя Беларуси**

МДА, кандидат богословия—1961, доктор honoris causa университетов: Галле (ГДР)—1983, Братиславы—1986, Праги—1986, Пряшева, Белгос-университета—1993, Гродненского госмедуниверситета—2001, Свято-Владимирской Академии (Крествуд, Нью-Йорк, США)—2002, Свято-Сергиевского богословского института (Париж)—2003; Варшавской Теологической Христианской Академии—2008, профессор—2000, доктор богословия—2003.

4

ГЕРОНТОДИЦЕЯ: СТАРЧЕСТВО КАК ОПРАВДАНИЕ СТАРОСТИ

Многоуважаемые гости и участники конференции!

В эти пасхальные дни мы вновь собрались для размышлений — а в большей степени для совместного свидетельства — о правде Божией, о мире и о той дружбе, к которой все мы призваны во Христе Иисусе.

Благодарю монсеньора Винченцо за любезное приглашение присутствовать среди вас и за возможность участвовать в беседе, которую сегодня мы намерены посвятить теме старости.

Мотивы обращения к этой теме могут быть различны. Но две очевидные мысли побуждают меня с особой внимательностью участвовать в сегодняшнем симпозиуме. Во-первых, старость — это горизонт жизни каждого человека. Милостью Божией я сам вступил в этот период. Поэтому сегодня я не только субъект, но в некотором смысле также и объект размышлений.

Во-вторых, мы видим, что в современном обществе люди преклонного возраста выделяются в отдельную социальную группу. Это означает, что при всей понятности, старость перестала быть *естественной* частью жизни. Она стала феноменом, проблемой, решение которой требует специальных усилий.

Сегодня в таком же ключе говорят о феномене детства, о проблеме мигрантов, об экологии, о демографии и о других темах, которые, на мой взгляд, все больше теряют связь с естественным ходом жизни, с простотой подлинно человеческих отношений. Некогда дети, старики, гости и сама природа составляли единую, полнокровную

*Доклад Высокопреосвященного Филарета, Митрополита Минского и Слуцкого, Патриаршего Экзарха всея Беларуси на конференции общины святого Эгидия в Риме, посвященной теме «Дар старости: православные и католики на пути милосердия» 5 мая 2011 г.

ТРУДЬ №9

Минской Духовной Академии

жизнь. Теперь же они — фрагменты мозаики под названием современность. И каждый из этих фрагментов нуждается в *оправдании* с точки зрения целого, с точки зрения жизни и смысла истории. Поэтому позвольте мне вначале коснуться самой темы оправдания и задаться вопросом

О необходимости оправдания

Этот вопрос я задаю не ради того, чтобы вздохнуть о ценностях былого — традиционного общества, в целостности которого якобы всему было найдено достойное место. Вовсе нет! Вопрос о необходимости оправдания того или иного феномена призван помочь обрести нам правильный взгляд на тему старости.

В европейских языках мы обнаружим целый ряд слов, в которые входит греческое — *δίκη*, [*дики*], то есть справедливость, правда, *оправдание*. Это такие слова как теодицея, антроподицея, этнодицея и так далее.

Тезис, который мне бы хотелось предложить вашему вниманию, заключается в следующем: в оправдании нуждаются вещи и явления, которые перестали быть значимы для общества, их смысл перестал быть очевидным. Приведу несколько примеров, демонстрирующих, на мой взгляд, правоту этого суждения.

В истории европейской мысли *оправдание* как интеллектуальный жанр был введен Готфридом Вильгельмом Лейбницем. В 1710 году он опубликовал трактат «Опыт теодицеи о благодати Бога, свободе человека и происхождении зла», в котором защищал идею справедливости Бога, несмотря на существование зла.

В 1897 году Владимир Сергеевич Соловьев публикует фундаментальную работу «Оправдание добра». В самом начале монографии он констатирует, что современное ему сознание утратило понятие о смыс-

ле жизни, ради обретения которого он и предпринял свой труд.

К этому же ряду оправдательных произведений можно отнести сочинения священника Павла Флоренского, в которых он развивает *антроподицею*, то есть учение об оправдании человека. Напомню, что начало разработки этого учения было положено им в канун переворота 1917 года, а концептуальное оформление оно получило уже в 30-е годы двадцатого столетия, во времена, когда тело и душа человека превратились в полигон физических и политических экспериментов.

Думаю, эти примеры показывают, что в апологии и оправдании нуждаются те вещи, которые были совершенно естественны, но в силу разных причин перестали быть таковыми для современников. Стоит ли уделять внимание, терпеть в нашем окружении те явления, которые, как кажется, утеряли свою значимость? Зачем нужна религия, если она порождает войны, зачем нужно добро, если в него никто не верит и какой смысл в истории, если она не дает ответы на проблемы нынешнего дня?

Сегодня в ряд подобных вопросов попадает все большее количество явлений. Одно из них старость..

Каков ее смысл? Какая польза от людей пожилого возраста? Чем в принципе может быть оправдано ее существование?

Полагаю, что, размышляя о смысле старости, мы должны вспомнить призыв апостола Петра: «*будьте всегда готовы всякому, требующему у вас отчета в вашем уповании, дать ответ с кротостью и благоговением*» (1 Петр 3: 15).

Священное Писание: старость
как насыщенность жизнью

Канон Священного Писания формировался в традиционном обществе, в котором па-

триархальный быт во многом определял отношение к старшим.

Писание трогательно говорит о старости и кончине царя Давида: *«И умер в доброй старости, насыщенный жизнью, богатством и славою»* (1 Пар. 29: 28). Полагаю, что именно эта насыщенность жизнью и оправдывает старость для богодухновенных авторов Писания. Но что означает эта насыщенность?

Насыщенным мы называем цвет и вкус. Мы говорим о дне, насыщенном событиями. Для нас это понятно. Но что значит быть насыщенным жизнью? Не количество прожитых дней, а качество усвоенного опыта насыщает душу, делает ее мудрой.

Писание призывает с почтением относиться ко всякому человеку, убеленному сединой. *Господь* сохранил его до старости. Поэтому и дается заповедь: *«Пред лицом седого вставай и почитай лице старца, и бойся Бога твоего»* (Лев. 19: 32). Повеление Бога безусловно!

Причина этой безусловности коренится в том, что присутствие старого человека является благом для общества. Почему? Потому что для членов семьи, рода, для членов всей общины старец является символом мудрости жизни, насыщенности богопознанием, опыта исполнения заповедей Господних. В нем зримо сбывается обетование Божее, возвещенное через пророка Исаию: *«До старости вашей Я тот же буду, и до седины вашей Я же буду носить вас; Я создал и буду носить, поддерживать и охранять вас»* (Ис. 46: 4). Таким образом, присутствие в доме пожилого человека, это символ присутствия Бога. Жизнь старца — это путь, по которому на общество нисходит Божия благодать.

Прислушиваясь к словам пророка Исаии, полагаю, будет справедливым сказать, что старость не нуждалась в оправдании. Скорее она сама оправдывала род, семью,

общество. Отсутствие старца в семье было наказанием, свидетельством богооставленности и безблагодатности.

Именно так наказывает Господь нерадивого первосвященника Илию, который был недостаточно строг с сыновьями и попустительствовал их греховной жизни у храма. Господь говорит ему: *«Вот, наступают дни, в которые Я подсеку мышцу твою и мышцу дома отца твоего, так что не будет старца в доме твоем; ...но все потомство дома твоего будет умирать в средних летах»* (1 Цар. 2: 31-33).

Итак, старец — это символ присутствия Божией благодати в общине. Пророк Моисей, увещевая Израиль ходить по стопам заповедей Господних, говорит: *«Вспомни дни древние, помысли о летах прежних родов; спроси отца твоего, и он возвестит тебе, старцев твоих, и они скажут тебе»* (Втор. 32: 7). То есть задача старца в том, чтобы помнить и приобщать к своей памяти новое поколение, дабы оно не уклонялось на пути неправды. В этом смысле он является краеугольным камнем традиции Богообщения. Послушание, почтение и любовь к старцу сообщают традиции жизнь. Они передают силу старшего младшему и двигают его вперед, в день грядущий.

Поэтому, полагаю, и говорится в Декалоге: *«Почитай отца твоего и мать твою, чтобы продлились дни твои на земле, которую Господь, Бог твой, дает тебе»* (Исх. 20: 12). То есть почтение, воздаваемое в лице родителей прошлому, открывает для человека Самого Бога, Который сохранил жизнь предшественников и силен благоустроить жизнь нынешнего поколения. Более того, для человека, пребывающего в послушании родителям, не только нынешний день, но и будущее не является неопределенным. Оно исполнено надежды и радости, потому что оно ожидается как трапеза, уготованная Господом для насыщения нашей жизни манной небесных обетований.

Мы видим, что почтение к старцу удивительным образом открывает нас для будущего, что сообщает теме старчества эсхатологическую перспективу. Насыщенность жизнью, которая и определяет старца, в полноте своей явилась в Господе нашем Иисусе Христе. *«И Слово стало плотью, и обитало с нами, полное благодати и истины... И от полноты Его все мы приняли и благодать на благодать»* (Ин. 1: 14, 16) — благовествует святой евангелист Иоанн Богослов. Эсхатологическое исполнение обетований побуждает нас обратиться к Новозаветному пониманию старчества и связанного с ним послушания.

Послушник Бога Отца: путь Иисуса от немощи к славе

Воистину Господь наш Иисус Христос явил в Себе ветхозаветные обетования. Ибо пришел Мессия, Который исполнил волю Отца, *«смирил Себя, быв послушным даже до смерти, и смерти крестной»* (Флп. 2: 8). Поэтому прообразовательное почтение к старшему, призванное исцелить нас от греха Адамова преслушания, получило исполнение в абсолютном послушании Христа Богу Отцу.

В контексте темы конференции, обозначенной как «дар старчества», мне хочется обратить ваше внимание на два аспекта Христова подвига.

Во первых, восхождение к славе происходило через принятие на себя всех граней человеческой немощи. Как говорит апостол Павел, Господь *«уничтожил Себя Самого, приняв образ раба, сделавшись подобным человекам и по виду став как человек»* (Флп. 2: 7). Совсем недавно мы с вами переживали события Страстной недели и прекрасно помним все, что пришлось пережить Спасителю нас ради и нашего ради спасения.

Этот кенотический аспект Христова подвига мне представляется важным потому,

что дар старчества, о котором мы говорим, иногда является в немощи.

Как часто старики оказываются брошенными или обманутыми своими детьми. Как часто немощь пожилых людей становится поводом для досады и раздражения со стороны родственников. Как порой собственные болезни и недомогания вызывают отчаянное желание прекратить тяготу дней быстрым решением, соблазняющим иллюзией хоть какой-то самостоятельности. Дома престарелых и хосписы, проблема эвтаназии и другие биоэтические вопросы.. Все это уязвляет наше сознание, обнажая старость во всей ее хрупкой беззащитности..

При этом удивительно то, что беззащитность старчества не упраздняет насыщенности жизнью, о которой мы говорили ранее. И здесь, мне кажется, урок, который преподает нам Христос в Своем пути через немощь человеческого естества к славе Богосыновства. Смысл этого урока можно выразить словами, которые Господь обратил в утешение болящему апостолу Павлу: *«сила Моя совершается в немощи»* (2 Кор. 12: 7).

То есть Иисус, будучи уничижен, не переставал быть Богом, и старцы в своей беззащитности не теряют насыщенности жизни. Они — вопрос для нашей души. Уподобимся ли мы разбойнику, хулящему Распятого? Или же сможем подобно сотнику увидеть в униженном человеке величие Божие и возгласить: *«истинно Человек Сей был Сын Божий»* (Мк. 15: 39). Захотим ли мы приобщиться к насыщенности жизни или наши очи увидят лишь немощь старческого естества? Пусть на эти вопросы каждый отвечает в тишине своего сердца..

Другой аспект Христова подвига заключается в том, что Его послушание Отцу является образцовым примером для нашего послушания. Спаситель молится Отцу: *«Как Ты послал Меня в мир, так и Я послал их в мир»* (Ин. 17: 17). А спустя некоторое

время Он воспроизводит эту модель общения, обращаясь к нам: *«Как послал Меня Отец, так и Я посылаю вас»* (Ин. 20: 21). А это означает, что отныне наше послушание каждому человеку и старцу в первую очередь является развитием послушания, которое имеет Сын Человеческий к Богу Отцу. Цель этого послушания ясно высказана Христом: *«да будут все едино, как Ты, Отче, во Мне, и Я в Тебе, так и они да будут в Нас едино»* (Ин. 17: 21).

Мы подошли к тому, что послушание есть повеление и дар Христа. И поскольку этот дар мы стяжаем в общении, то им — даром послушания — создается Церковь, дом Божий.

Поясним эту мысль. Бог открывается в смиренном общении Лиц Пресвятой Троицы. Апостол Павел предваряет знаменитый христологический гимн в послании к Филиппийцам словами: *«по смирennemудрию почитайте один другого высшим себя»* (Флп. 2: 3). После этого он говорит об уничижении Христовом и о том, что *«Бог превознес Его и дал Ему имя выше всякого имени»* (Флп. 2: 9). Это значит, что в той мере, в которой мы смиряемся перед ближним, Бог поднимает нас Духом Святым до высоты Богосыновства (Рим. 8: 14).

Таким образом, Новый Завет раскрывает нам богословский смысл старости. Немошь старца в некоторой степени подобна уничиженному состоянию Сына Человеческого. Когда мы почитаем в немощном старце насыщенность жизнью, тогда мы сами оказываемся подобными Христу. Спаситель не пренебрег ни одной из сторон человеческой немощи. Возложив их на Свои плечи, Он возносит их к Отцу. И мы, смиряясь перед немощью старца, оправдываем ее видением высокого призвания старчества: быть свидетелем Бога.

Любовь уподобляет нас Богу. Будучи даром Божиим, она преобразует отношения между людьми в бытие Церкви. В ней же каждый из нас становится членом Тела Хри-

стова. Старик, будь то мудрый старец или просто пожилой человек, становится пророком, провозвестником церковного бытия по образу Пресвятой Троицы. И эта пророческая миссия старчества, на мой взгляд, является абсолютным оправданием старости.

Мы помним знаменитые слова апостола Павла: *«Нет уже Иудея, ни язычника; нет раба, ни свободного; нет мужского пола, ни женского: ибо все вы одно во Христе Иисусе»* (Гал. 3: 28). Думаю, что мы не погрешим против Истины, дополнив эту богодухновенную мысль предположением о том, что Христос преодолевает также различие между старцем и молодым.

В завершение своего выступления я бы хотел сказать несколько слов как свидетель. Свидетель старости, в которой мы обретаем скорбь и радость, крест и новые обетования. Полагаю, что для нашего собственного понимания очень важно усвоить, что мы, люди пожилого возраста — не фрагмент жизни, о котором, кто-то внешний должен проявлять заботу. Возрастная специфика не умаляет полноценности нашей жизни, и нам нельзя прятаться в теплом и уютном гетто собственной старости.

Человек любого возраста может получить столько, сколько он отдает. Конечно, нам часто представляется, что за прожитые годы мы отдали достаточно, чтобы теперь нам воздали должное уважение. Но, увы... Часто эта позиция оборачивается глубоким разочарованием. Поэтому, возлагая все свое упование на Единого Мздовоздателя Бога, мы продолжим наш путь! И в смирennemудрии почитая молодежь большими себя, будем стараться, чтобы не старость нуждалась в оправдании, но она сама являла правду жизни во Христе.

Благодарю всех за внимание. И пусть *«Господь до старости и до седины не оставит нас, доколе не возвестим мы силы Его роду сему и всем грядущим могущества Его»* (Пс. 70: 18). Аминь!